

31 МАР 1973

В МИРЕ ТВОРЧЕСТВА

УСПЕХ «Реквиема» Верди в концертном зале «Эстония» во многом следует отнести на счет очень сильного ансамбля солистов: Маре Йыгева, Урве Таутс, Хендрик Крумм и Тео Майсте. Младшая из солистов как по годам, так и по стажу — Маре Йыгева. Менее трех лет назад выпускница консерватории Маре Йыгева спела главную партию в опере Верди «Аида» и с тех пор вошла в число ведущих певцов ГАТ «Эстония». Ее роли (Жоржетта и Анжелика в операх Пуччини «Плащ» и «Сестра Анжелика», Невеста в «Кровавой свадьбе» Соколин, Булотта в «Рыцаре Синяя Борода» (Оффенбаха) относятся к числу лучшего, что родилось в театре за этот период, ее концертные выступления всегда привлекали внимание.

Это внешняя, в чем-то парадная сторона. Личность художника, Маре Йыгева в данном случае, делает интересной вторя, с трудом подающая расшифровке сторона, не подчиняющаяся правилам и обычаям. Новичок выходит на сцену и превосходит все ожидания. Это прекрасное и долгожданное в театре событие. Маре Йыгева пришла как и все другие, но в то же время стало ясно — в театр пришел артист.

ЛЕГКОЕ И РАДОСТНОЕ НАЧАЛО...

...Когда Маре Йыгева впервые появилась на репетиции «Аиды» — можно было в самом деле подумать так.

Когда человек на сцене настолько раскрепощен (в театре говорят «абсолютно в музыке»), что его не страшит дирижерская палочка, нет необходимости заботиться о том, чтобы голос доносился

Синее небо, зеленая земля

до самых отдаленных уголков зала, тогда веришь, что человек годами мечтал об этом дне и готовился к нему.

Маре Йыгева не мечтала об опере, не готовилась к ней, она отвергала мысль о сцене.

Преподавательница пения Алма Куртна приняла в учебный хор «Ванемуйне» девушку, полагавшую, что работа в хоре поможет ей подготовиться к вступительным экзаменам в ТГУ: Маре Йыгева собиралась стать филологом. Даже готовясь к вступительным экзаменам в музыкальную школу (Алма Куртна была очень требовательна к начинающей певице), Маре Йыгева больше занималась языком и литературой, чем специальными предметами: она считала, что все равно впереди университетские экзамены.

Алма Куртна правильно оценила голос и необычно-

венную музыкальность своей будущей ученицы. (Хотя на вступительных экзаменах выяснилось, что Маре Йыгева не имеет представления об элементарной теории музыки!).

В консерватории Маре Йыгева научилась ценить музыку больших форм и интерпретационные возможности камерного вокала — с этим она связала в

— и Маре Йыгева была назначена на роль Аиды.

В тот год в классе оперы преподавал Пауль Мяги. Со временем Маре Йыгева начала с нетерпением ждать его уроков, и чуточку странно было подумать, что еще год назад Маре во время уроков оперы выезжала за город и бродила по лесу и полю (как школьница-прогульщица).

мыслят свое будущее. Класс оперы Маре Йыгева попросту игнорировала: она считала заучивание отрывков из опер механической работой, где все жестко регламентировано, включая эмоции и мысли.

Маре Йыгева завоевала на курсе репутацию «enfant terrible», и преподавательница Линда Саул в конце концов смирилась — пусть из Йыгева вырастет камерная певица.

Ее крестным отцом по сцене оказался maestro Тийт Куузик. На художественном совете консерватории, когда распределяли дипломные работы, он поднял вопрос о Маре Йыгева.

«У нас заканчивают оперными ролями зачастую люди, не имеющие данных для оперы. Пусть Йыгева будет камерной певицей, но к ее голосу следует предъявить максимальные требования»

Во время сенсационного представления «Аиды», когда государственная комиссия оценила Маре Йыгева высшим балом уже после 1 акта, когда даже оркестр аплодировал (высшее признание!), а публика кричала «браво» — сама исполнительница уже была направлена в смешанный хор Эстонского радио. И театру пришлось потрудиться, чтобы изменить это решение и заполучить Маре Йыгева к себе.

* * *

При самом большом желании весь этот рассказ остается схематичным. В действительном следует рассказать о том:

...Как трудно было после одного учителя приспособиться к методам другого.

...Как наступил кризис, своего рода «мертвая точка»,

и как трудно было ее преодолеть.

...Как не хватало уверенности в себе и т. д., и т. д. Говорят, что актер на сцене вновь и вновь продолжает «жить собою». В таком случае темпераментные натуре имеют большие преимущества: жить, радоваться или грустить — и пожинать на сцене процент со своей эмоциональности.

Одна известная певица сказала, посмотрев выступление Маре Йыгева, что все хорошо, только Йыгева совершенно не умеет играть. На этом же спектакле присутствовал критик, который обрадовался, открыв один «пустой», т. е. непережитый момент в игре Йыгева, — будет, что поставить на вид молодой актрисе. И оба по-своему были правы.

Маре Йыгева не «играет», и не возникает вопрос — есть ли у нее актерское дарование. В ее таланте каждая отдельная нота находит отражение, каждое мгновение на сцене наполнено пульсом настоящей жизни. В ней нет лишнего, фальшивого или искусственного — «оперного» в худшем значении этого слова: Маре Йыгева может быть любимой актрисой и тех, кто не признает жанр оперы за его консервативность.

КАК РОЖДАЮТСЯ ОБРАЗЫ МАРЕ ЙЫГЕВА?

Во всяком случае не по тому принципу, по которому возводятся стены: чем больше «каменной», т. е. характерной черт, тем «выше» и глубже характер. У каждого человека есть своя «тема» — на сцене и в жизни. Маре Йыгева ищет и находит свою тему. Она сама считает себя старомодной: разучивая

роли, она смеется и плачет. После такого «переживания» приходит убежденность, что «это очень жизненный характер». (Эти слова относятся в равной мере к плутовке Булотте и мистически откровенной Анжелике).

— Я не представляла себе, как много дает человеку открытость сцены и возможность общения с партнером! — воскликнула Маре Йыгева после первой в жизни репетиции на сцене.

Сцена для певицы — страна миллионов возможностей: ведь механическое творение — это атрибут только плохих уроков.

Но все становится труднее. Вместе с опытом растет умение и требовательность к себе. Сравнение с прыжком с парашютом (в школьные годы Маре Йыгева прыгала с парашютом).

При первом прыжке — с тросом принудительного раскрытия — в мгновение свободного падения чувствуешь сопротивление воздуха, свист ветра в ушах и ощущение глубины, заставляющее сильнее биться сердце; при втором — третьем прыжках сюда добавляются впечатления от увиденного: синее небо, желто-зеленая земля, и только после научишься (спокойно и методично) сам дернуть кольцо, сам раскрыть над собой шелковый купол и встретишь угрожающе несущуюся навстречу землю.

В театре то же самое: вначале нет страха, есть азарт и увлечение; партнеры, хор, дирижер, оркестр — все они — это музыка, и музыка словно сама правит тобою, как белый парашют в синем небе. Но позже, когда приходит расчет и умение, пропадает первоначальная легкость, все явственнее перед

Маре Йыгева в оперетте Оффенбаха «Рыцарь Синяя Борода».

глазами результат, спектакль в целом. Опытная актриса, как опытный парашютист. Он считает секунды, крутит сальто, работает стропами и ловит воздушный поток, не забывая о белом кресте на поле аэродрома.

В минуту пессимизма Маре Йыгева заявила: «Не знаю, что у меня выйдет, и выйдет ли вообще что-нибудь?» Это слишком строго, Маре поняла это и добавила на родном вырском диалекте:

— Знаю, что веселых лет у меня нет.

Работая над этой статьей, я слышала по радио своеобразной окраски голос, звучный, необычайно цельный, настолько индивидуальный, что его не спутать ни с каким другим... Прогнозов не будет. Но остается радость, что родился солист, сумевший начать с одной из труднейших и драматических оперных партий, и что каждое новое выступление добавляет новые штрихи в портрет артиста.

Л. МЕТСААЛТ.